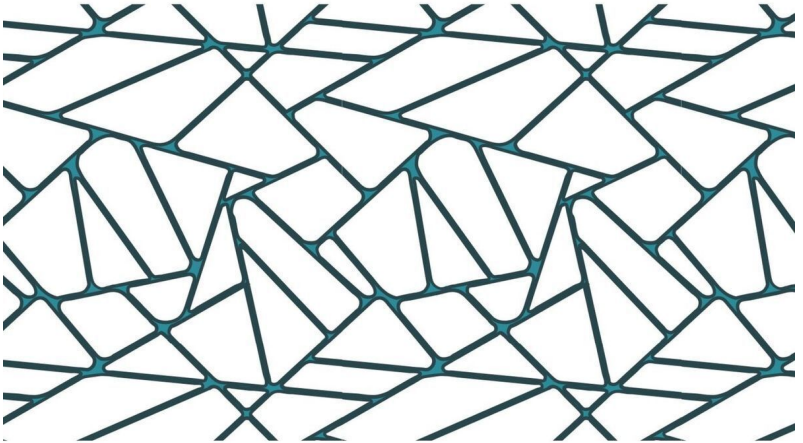

Екатерина Дудина

ПОБЕДИТЬ ЗВЕРЯ

Екатерина Дудина

Победить зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42309756

ISBN 9785449661609

Аннотация

Внутри каждого из нас живет зверь. Иногда мы держим его на поводке. Порой отпускаем погулять или запираем в клетке. Но случается так, что зверь нападает на хозяина и занимает его место. По венам оборотней ползает тот же страх, и та же надежда проползает следом. Одно лишь иначе – когда человек поддается зверю, внешне все остается по-прежнему. У оборотня вырастают шерсть и клыки. Даяна оказалась одной из них. Теперь у нее два варианта – победить и остаться собой или пасть и стать призраком.

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	23
Третья глава	35
Четвертая глава	51
Пятая глава	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Победить зверя

Екатерина Дудина

© Екатерина Дудина, 2024

ISBN 978-5-4496-6160-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая глава

Светло—желтые дома в ночи казались серыми. Ледяной октябрьский ветер грыз кончики пальцев. Сквозь тишину продирался грубый мужской голос. Он грозно, но не вполне разборчиво, выливал на кого—то ведро бранных фекалий.

Я подошла немного ближе. Кусты справа от меня зашевелились. Страх, смешанный с холодом, галопом проскакал по телу, заставляя его дрожать. Кошка медленно и осторожно ступала мягкими лапами на тротуар.

Я приближалась. Голос становился все громче. У размытых силуэтов постепенно проявлялась детализация. Мужчина напряженно сжимал кулаки. Над побелевшими костяшками торчали грубые темные волосы. Его тучная фигура немного покачивалась. Алкоголь затмевал разум и порождал агрессию.

Миниатюрная женщина с крючковатым носом сидела на земле и рыдала. Мужчина продолжал испускать бранный ливень. Я терпела. Вмешиваться в ссоры влюбленных абсолютно бесполезно. Достанется и от суженой, и от ряженого, да столько, что самооценка спустится в подполье и начнет тихонько хныкать.

Кошка потерлась о мои ноги и приглушенно мяукнула. Я присела и погладила мягкую спинку. Звук шлепка сменился женским криком. Мягкие лапы помчались обратно в кусты.

Обернулась. Суженая лежала на земле и тихо постанывала. Рязеный бранился и поднимал ее за шкуру. Сия «семейная идиллия» расстреляла терпение в лоб из автомата. Я на четвертой передаче влетела в изрядно проспиртованное тело, силясь придать ему горизонтальное положение. Оно покачнулось, но не упало. Мужчина зашатался. Начал бубнить нечто невнятное. Притупленный взгляд силился уцепиться за меня, но постоянно пролетал мимо. Толкнула его в плечо. На этот раз вестибулярный аппарат не выдержал, и суженый пал к моим ногам.

Суженая с визгом рванула в соседний подъезд. Мои веки заработали в ускоренном режиме. Такой прыти я не ожидала. Мужчина медленно и неуклюже поднимался. Мы остались с ним один на один.

Казалось, что убежать от него не составит особого труда, но громкий быстрый топот за спиной говорил об обратном. Тупик перед носом окончательно уничтожил мой хлипкий план. Волосатая рука приближалась. Волны жира дрожали в области бицепса. Мужчина громко дышал.

Я попыталась проскочить мимо, но меня схватили и бесцеремонно швырнули на землю. Щека врезалась в гальку. Резкая боль и звон в ушах затмили все вокруг.

Перевернутый на бок мир плавал и кружил перед глазами. Высокая худощавая девушка со странной смесью сажи и пепла в цвете густых кудрявых волос сначала показалась миражом. Ее фигура вынырнула из—за угла и направилась

в нашу сторону.

Она встала перегородкой между мной и мужчиной. Сделала шаг назад, уклоняясь от удара, и приземлилась пяткой на мое лицо. Я тихо застонала. Нога опустилась на землю.

Девушка отразила кулак незнакомца с грациозностью пантеры. Ее рука сделала быстрое точное движение. Из носа мужчины хлынула кровь. Он выругался и убежал с грациозностью бегемота.

Грязные сапоги направились в мою сторону. Женское лицо приблизилось, но мне были видны лишь его очертания.

– Прости! – выдавила девушка, косясь на мою пострадавшую физиономию. Я попыталась ответить, но смогла простонать лишь нечто невнятное и непереводимое. По лбу незнакомки поползли морщины. Наверное, ее мозг бился в конвульсиях, тщетно пытаясь меня понять.

Я взглянула в смеющиеся глаза цвета охры. Мир почернел. Уставшее сознание отклонялось и удалилось.

С тяжелым вздохом мой сон оборвался. Кряхтя и бранясь, присела на край дивана в незнакомой квартире. Лицо ныло. Механически провела по нему рукой. Оно оказалось умытым и перебинтованным.

Я осмотрелась. На небольшом стеклянном столике возле дивана лежал мой телефон. Взяла его в руки. Дисплей тут же явил непрочитанное сообщение: «Встретимся в 18:00 в баре. Угощаю. Эд».

Местоположение, установленное при помощи приложения, сулило часовую прогулку на транспорте. Опоздание было неизбежно.

Незнакомка заботливо оставила стакан апельсинового сока и парочку тостов с сыром. Поджаренный хлеб помятая челюсть жевала с трудом, а вот холодная жидкость показалась живительным эликсиром.

Слегка прихрамывая, я подошла к витражному окну. Серый город растянулся под ногами до Финского залива. Возле кожаного кресла стояла недопитая кружка с кофе. Представила, как утром незнакомка сидела, положив ногу на ногу, любуясь видом и потягивая бодрящую дозу кофеина.

Квартира была обставлена дорого и изящно. Бар из красного дерева наполнял эксклюзивный алкоголь. Редкие проблиски солнечных лучей падали на серебряную посуду, расставленную на столе из дуба и стекла. Его ножки опирались на белоснежный ковер.

Самой девушки дома не оказалось. Квартира была пуста, не считая серой пушистой кошки, которая злобно на меня косилась. Она пристально наблюдала, но держалась на расстоянии. Я посматривала на нее с опаской и осторожно бродила по неприлично большой квартире в поисках выхода.

На входной двери висела записка: «Просто захлопни». Почерк был каллиграфически ровным и очень красивым. Неподалеку стояла отмытая пара моих кроссовок. Забытое ощущение заботы приятно разлилось по телу.

Я законспектировала адрес в дебрях программного кода мобильного устройства, планируя навеститься с жестом благодарности, и вышла за порог.

Среди прочих вывесок в одном из переулков Петербурга была одна особенная. Светлые готические буквы складывались в последовательность: Бар «Белый волк». Рядом с ними оскалившаяся морда волка смотрела на всех свысока.

Впервые я вошла в этот бар из—за названия. Во второй раз, чтобы вспомнить первый. К третьему и последующим обязала дружба с барменом. Задиристый и грубоватый Эд много шутил и часто угощал бесплатной выпивкой.

– Удирала от самки разъяренного гиббона?! – воскликнул он вместо приветствия.

Я скорчила недовольную гримасу. Бармен пожал плечами. Кудрявый светлый локон дрогнул на его лбу. Он знал меня достаточно давно. Его предположение было вполне реалистичным.

Правда напустила на Эда налет разочарования. Я выслушала очередную лекцию о невмешательстве в чужую личную жизнь.

– Зачем ты полезла защищать абсолютно незнакомую женщину?! – довершил свой монолог парень. Я пожалала плечами и воззрела на потолок.

Бар был практически пуст. Лишь один стол недовольно сносил на своей спине кружки и тарелки ранних посети-

телей. За Эдом высился арсенал бутылок. Его локти осели на дубовую барную стойку. Взгляд осматривал небольшое помещение позади меня.

– Тебе как обычно? – спросил парень и, не дождавшись ответа, перевернул бутылку над бокалом. Прозрачная жидкость заструилась вниз, напоминая уменьшенную версию водопада.

– Новые мозги и физиономия найдутся? – мой указательный палец прошел по овалу ушибленного лица.

– И оставить тебя без способности попадать в неприятности?! – бокал скользнул по барной стойке и едва не угодил мне в нос. Я сделала небольшой глоток. – Где же мне брать истории для своей книги: «1001 недоразумение»?!

Почувствовала, как кривится опухшее перебинтованное личико и сделала еще один глоток. Водопад заструился по внутреннему миру.

Барная стойка, отполированная до блеска, держала бокал. Я покрутила его в руке и задумалась.

Моя жизнь бродила тошнотворно однообразными кругами, периодически выбираясь в неприятности или в бар. Я пыталась разорвать наскучившую монотонность, но то ли серое небо Петербурга пожирало любые посторонние краски, то ли дождь смывал их в канализацию под грязные лапки крыс.

Уровни всемирной игры в жизнь сменяли друг друга, вызывая во мне то скуку, то интерес.

– Я немного опоздала! – воспоминания о глазах цвета охры дополнились достаточно милovidными чертами лица, окаймленными сажей и пеплом волос. Девушка обращалась к Эду. Она взглянула на меня и прищурилась, рассматривая бокал. – Не рановато?

Мои брови поползли к подножию небес. Рот немного открылся и застыл. Неожиданность заботливо увела в ступор. Девушка усмехнулась и пару раз щелкнула пальцами перед моим лицом.

– В самый раз! – заторможено отозвалась я.

Незнакомка усмехнулась и сделала Эду неизвестный мне доселе знак. Я максимально злобно воззрела на него, показывая всю мощь негодования и ревности. Он мило мне подмигнул и поставил перед девушкой рюмку с прозрачной жидкостью. Она употребила напиток быстрым рывком.

– Спасибо! – поблагодарила я, попутно поднимая бокал. Мой взгляд немного потупился. Удивилась собственной стеснительности и сделала небольшой глоток. Девушка ответила легким поклоном головы.

– Был неудачный день? – спросила она, снова делая знак бармену.

Эд заржал в голос, как строптивый конь на первой скачке. Я напряглась, силясь злобно выстрелить в него искрами из глаз.

– Неудачные годы! – Эдик все—таки не сдержался, за что и получил в лоб салфеткой.

– Вы так хорошо знакомы? – девушка приподняла брови и начала бросаться взглядом от меня к бармену и обратно.

– Это главная героиня моих историй «Как оскорбить гопника и выжить», «Как уехать на Кубу без денег и не потерять желудок», «Как родиться неудачником и не сломать себе шею»... – Эд продолжал в том же стиле описывать мою не совсем нормальную жизнь. Разумеется, никаких рассказов он не писал, зато, как видно, вещал об этом кому ни попадя!

Ситуация сия меня злила, но сквозь образ непоколебимого спокойствия ярость не проглядывалась.

– Я назову сборник «1001 недоразумение»! Что думаешь?

– Думаю, твоя муза заставит тебя пройти через все эти истории до единой за подобную наглость! – ответила я вместо объекта, на который был направлен вопрос.

Эд беспомощно поднял лапки и пошел обновлять напиток.

– Даяна! – моя рука потянулась к девушке для рукопожатия. Рот открылся, но произнести ничего не успел. Вмешался Эд. Обычно он не так разговорчив, но в тот день его кран красноречия явно протекал!

– Я зову ее Ди! – выдало это бесстыжее чудо и вновь скрылось за барной стойкой.

– Тамила! – усмехнулась девушка и пожала руку.

Тамила – какое милое имя, и какой мощный удар! На плече оскалившаяся морда волка, на лице странная смесь пре-

зрения и доброты. Что привело тебя в мою жизнь, дикое создание?!

– За тобой должок! – объявила девушка. Эду пора было доставать блокнот и запастись чернилами!

– И чего же ты хочешь? – я мило улыбнулась и вопросительно вскинула брови в ожидании продолжения.

– Мне пока ничего не нужно, но мы еще встретимся! – выдала Тамила, подмигнула и удалилась.

– Ее стоит опасаться? – задала я Эду вопрос и большим глотком уничтожила содержимое бокала. Бармен неопределенно пожал плечами.

Я вышла под противный морозящий Питерский дождь. Серость вводила в состояние меланхолии. Мимо меня на полном ходу пролетела черная «Ауди». Брызги вырвались из—под колес и облепили ноги по пояс. Меланхолия поднялась на новый уровень.

В детстве мир казался мне таким большим. Мой маленький городок был огромным королевством, укрывающим множество тайн и сулившим уйму приключений. Я выросла. Он уменьшился. Побег в культурную столицу привел к тому, что теперь и она стала потихоньку уменьшаться.

В детстве мне грезилось, что вырасту и стану удивительным человеком. Увы, миру далеко до идеала, чтобы найти себе ориентир на пути от саморазрушения и деградации до внутренней гармонии и душевной революции.

Неизменным осталось только одно – игра в жизнь. Пра-

вила игры для взрослых жестче и неприятнее. Жизнь опекает новорожденных игроков, не позволяя уйти в самом начале партии. Позже они вырастают и становятся новобранцами в полку ее игрушек.

Она доводит до отчаяния и душевного истощения, терроризирует разум и тестирует нервную систему. Но когда ты опускаешься на дно, показывает свет среди мрака, дает талоны на любовь и возрождает умершие цели. Она заставляет всплыть, чтобы вновь провести через бурю!

– Вход посторонним запрещен, и ты это прекрасно знаешь! – Тамила рычала, а не говорила. Ее взгляд был близок к смертоносному излучению.

– Ты тоже, и все же не выгнала ее! – парировал чуть полноватый бармен и подмигнул, стирая оскал с лица разъяренной девушки.

– Я знаю, что делаю!

Тамила развернулась к барной стойке спиной, облокотилась на нее и медленно закинула одну ногу на другую.

Сырой, перепачканный и уставший мешок с костями ввалился в квартиру. Под ногами медленно расплзлась грязная лужа. Капли падали с волос и шлепались на ламинат. Тяжелый вздох выкатился из легких.

Состояние меланхолии переросло в апатию. Одежда осталась ночевать на коврике у входа. Я прошла в хаос неболь-

шой студии. Скопление тарелок висело над металлической мойкой, подобно величественной горе Арарат. Ее предгорья тянулись по глянцевой черной столешнице. Из приоткрытой дверцы шкафчика наверху выглядывала упаковка овсянки, завалившаяся на бок. Его содержимое вальяжно развалилось по темному ламинату.

На барной стойке стоял полк кружек с кофейным налетом. Стулья оккупировала тряпичная свалка. Белая майка свисала с плазмы. Скомканные джинсы калачиком свернулись на комод. Лампам повезло быть утопленными в натяжной потолок, иначе нижнее белье непременно оказалось бы на люстре.

Тело на автопилоте добралось до вожделенной постели с всклокоченным бельем и обреченно на нее взвалилось.

Аквамарин глаз померк, не в силах сдерживать тяжесть век. Сон расщепил сознание и вывел его на новый уровень.

Я погружалась в мир иллюзий под аккомпанемент волчьего воя. Его упоительная мелодия приятно поглаживала за ушком.

Позже пришло осознание – он рвался из моих легких!

Мощные лапы, покрытые густой шерстью, удерживали меня на краю отвесной скалы. Из пасти вместе с воем вырвалось облако пара. Над головой горели лампочки звезд. Внизу пылала россыпь огней большого города, сокрытого туманом.

Звуки будильника пассатижами выдрали меня из крепких жарких объятий сна. Глаза нехотя открылись. Тело сто-

яло на четырех конечностях посреди комнаты. Изяществом и грациозностью сия поза не отличалась.

Лунатизм – удивительное состояние. Дрожь мелким галопом проскакала по телу при мысли о возможном путешествии через окно на мокрый асфальт.

Безумная мечта пришла следом – генеральная уборка в неосознанном состоянии. К сожалению, сие мероприятие вызвало бы у меня волну лени и тошноты даже во сне!

Утро – жестокий вымысел всепоглощающей системы. Я медленно топала по пустой холодной улице, укрытой серым маревом тумана.

Косметика была размыва водопадом, ниспадающим с небес. Лицо разбито после недавнего происшествия. Не хватало только ступы, чтобы смело занять пост Бабы—Яги!

Солнце прорвалось сквозь многоуровневые облака и приятно погладило по щеке, но в темных лабиринтах подземки его не было видно. Толпа затерявшихся личностей текла по водам подземелья, подобным Стиксу. Их направление движения было прописано на уровне рефлексов.

Я с облегчением вздохнула, когда мир упорядоченного хаоса позволил мне выбраться на свободу.

Мы обменялись с солнцем взглядами – я влюбленным, оно снисходительно—надменным. Моя любовь к нему зародилась с первого взгляда. Я же для него лишь серое пятно

в палитре серых красок. Продажная женщина шла в офис отдавать свой мозг за деньги.

Люди – существа, наделенные интеллектом, но загнавшие себя им в куб обязательств и запретов, который теперь не в состоянии разрушить. Мы подогнули мир под расписание, копируя цикличное поведение природы, но иногда в июне может идти снег, а мы не сакура, чтобы цвести стабильно раз в год.

Я медленно и неохотно открыла дверь, сделала нерешительный шаг и попала в стены рабочего мавзолея, в котором сидели законсервированные тела, и я была одним из этих тел! Баба—Яга заняла свое место в кошмаре!

Рабочие клеточки разделяли невысокие перегородки. Каждую их них наполнял обычный комплект: стол, кресло, компьютер, канцелярские принадлежности, телефон, калькулятор и кружка, наполненная горячим. Над головой висел реечный светлый потолок.

Шло стабильное утро стандартного дня. Организм мечтал о сне, кожа о солнце, пятая точка о приключениях. Мозг подобными глупостями не страдал. Ему приходилось работать за все другие части тела.

Звук соприкосновения пальцев с клавиатурой нервировал. Люди вокруг сидели с угрюмыми лицами, усердно создавая иллюзию мозговой активности.

На деле, треть работников бродила по просторам социальных сетей, треть силилась разложить пасьянс (у этой кате-

гории был особенно сосредоточенный и напряженный вид), еще треть подбирала себе новую мебель, обои, технику и т. д.

Каждый из них был необычайно занят и делал жутко напыщенный и суровый вид, дабы никому не пришло в голову к нему подойти.

Тошнота вырвалась из морального уровня подсознания и ворвалась в материальный мир.

Серый фон разбавили яркие цвета. Солнце манило, но мы вынуждены были смотреть на него сквозь закрытые окна.

Каждый из нас в детстве ждал совершеннолетия. Слово «восемнадцать» было синонимом слова «свобода». Лишь позже стало понятно, что в современном мире этого понятия не существует. Мы сами добровольно позволяем себя клеймить, подчиняясь голоду и сдаваясь в плен комфорту.

Многие наши «не хочу» останутся в детстве. Нам больше не нужно есть кашу неэстетичного вида и пить омерзительный компот. Нас никто не утянет домой после наступления темноты (при условии, что вы не в браке). Никто не запретит смотреть телевизор допоздна, набивая при этом желудок высококалорийной дрянью.

Клеймо проявит себя утром вместе со звуками будильника. Оно будет стоять на каждом зомби в толпе, разбредающей утром по конторкам. Вечером клеймо погаснет, но успеет забрать с собой дневной заряд энергии и бодрости. Ночью зомби перезагрузят операционную систему головного мозга, а утром история вновь пойдет по кругу.

Вот она взрослая жизнь! Добро пожаловать! Любить не обязательно. Жалобы не приветствуются.

Боевой рабочий макияж вступил в схватку с метисом снега и дождя. В моем арсенале были только капюшон и глубокое нежелание мокнуть. В арсенале погоды тысячелетний опыт издевательства над людьми.

Маленькая собачка залилась мерзким писклявым лаем. Она скалила крошечные клыки и рычала так злобно, словно я должна ее бояться. Страх во мне не зародился, но сапоги хотелось оставить в целости и сохранности.

Пришлось стоять и ждать, когда зверушке надоест строить из себя опасный комочек. Она принялась неистово скакать вокруг меня и тявкать еще громче. Надеюсь, не пентаграмму чертила, лая при этом заклинание вызова Сатаны.

На шум сбежалась целая орава гавкающих грязных псов. Они прыгали передо мной, как марионетки на сцене и жадно посматривали на мои сапоги. Я подумывала отдать искусственную кожу в обмен на целостность настоящей.

В мои мысли ворвался громкий рык. Он разрушил их кувалдой и поставил взамен бочонок со страхом. Я сглотнула слюну и обернулась. Этот пес мог лишить не только кожи!

Мощная рослая собака стояла позади меня. Черная морда, похожая на волчью, приникла к земле. Массивные лапы готовились к прыжку.

Собака скалила чуть желтоватые зубы. С кончика языка

тонкой струйкой капала слюна.

Маленькая шавка жалобно заскулила и скрылась в толпе. Черный пес, злобно рыча, выступил на мою защиту. Его движения были медленными, грациозными, и в тоже время опасными.

Псы трусливо пятились. Черные крупные лапы уверенно двигались по направлению к ним. Грозный рык заставил их сорваться с места, спасая потрепанные хвосты.

Боковое зрение уцепилось за взгляд, неотрывно текущий в мою сторону. Я не решалась посмотреть в глаза зверю. Он подходил все ближе. Тело застыло на месте, страшась сделать неверный шаг.

Оскал исчез. Собака, словно черная тень, скользнула к моим ногам. Она сидела неподалеку и испытующе смотрела в мои глаза. Ее взгляд не нес угрозы. Он растворял страх, но я не скоро решилась смотреть целенаправленно. Лишь краем глаза, украдкой осматривала своего защитника.

Я долго медлила. Все это время собака, так похожая на волка, спокойно сидела возле моих ног. Из ее тела исчезла напряженность. Лапы больше не готовились к прыжку. Вздрыбленная шерсть на холке улеглась, а чуть оголенные клыки больше не рвались в бой.

Наши взгляды встретились. Глаза песочного цвета были спокойными и даже милыми в определенной степени. Такой глубокомысленный и добросердечный взгляд редкость даже для человека.

Моя рука осторожно передвигалась в направлении морды зверя. Благодарность могла стоить дорого.

Собака нетерпеливо топталась лапами на месте. Наверное, думала о трусливости человеческой расы. Рука приближалась, готовая в любой момент рвануть назад. Животное было спокойно. Кисть продолжила осторожно двигаться навстречу мягкой, но непослушной шерсти на холке.

Я закрыла глаза, когда моя рука коснулась теплого тела опасного животного, так смиренно сидящего возле моих ног. На секунду страх стиснул клыки на горле, но тут же ослабил хватку.

Зверь спокойно сидел, принимая мою форму благодарности. Я перевела дух и улыбнулась еще до того, как открыла глаза.

Собака смотрела на меня с осторожностью, но не пыталась избежать моих, возможно неуместных, ласк. Все также медленно я убрала руку и продолжила свой путь. Зверь последовал за мной. Он семенил позади, ступая по земле увесистыми лапами. Попытки его прогнать не были предприняты.

Собака следовала за мной по пятам. Она злобно скалилась на всех, кто проходил мимо. На всех, кроме меня. Я должна была попытаться найти хозяина, но мне так не хотелось расставаться, что просто позволяла семенить позади.

Первый осенний снег крупными хлопьями ложился на мои волосы и на ее шерсть. Он таял, соприкасаясь с землей, и рождал грязь и слякоть. Сапоги и лапы утопали в ней.

Человек и собака шли домой.

Вторая глава

Солнце смеялось над угрюмым Петербургом, выглядывая из—за многослойных облаков. Сильный ветер норовил использовать зонт вместо парашюта и унести меня в Финляндию. Молния на куртке постоянно расстегивалась, подчиняясь властным порывам воздушной стихии. Холод заковал движения в наручники и сделал их неуклюжими.

И как поклонника солнца и звездного неба занесло под купол этого мрачного города?!

Мы шли по заснеженному парку – я и Линда. Отпечатки моих ног и ее лап оставались позади. Снег крупными комьями оседал в них. С того самого дня мы были неразлучны. В моих одиноких прогулках появился компаньон. Когда уходила на работу, она громко рычала и демонстративно удалялась из прихожей прежде, чем мои ноги ступали на лестничную клетку.

Линда брела возле меня. Как ценитель свободы любого живого существа, я убрала поводок в дальний шкаф, где его оккупировала пыль. Люди спешно расступались перед нами, боясь нрава большого сильного зверя.

Я не удержалась от легкого смешка, наблюдая, как очередной прохожий развернулся и осторожно, на цыпочках, удалился в абсолютно ненужную ему сторону. Линда бросила на меня взгляд. Мне показалось, она тоже смеется.

Кроме страха и чрезмерной впечатлительности мужчине ничто не угрожало. Нрав Линды был спокоен. Она была умна, хоть характер ее и не был прост. В неприметный осенний день я не просто приютила собаку, а обзавелась другом, охранником и теплым пледом в одном лице.

Необычная девушка исчезла. Я выторговала у Эда ее номер, но он постоянно был вне просторов досягаемости сети. Пыталась навестить к ней домой с визитом вежливости, но и там было пусто. Вздох облегчения от отсутствия потребности отработки долга вырвался было из легких, но так и осел на дне.

Я знакома со своей изобретательной жизнью далеко не первый день. Она терпеливо ждала, пока расслаблюсь, чтобы холод неприятностей окатил меня внезапно и застал врасплох.

Ледяной ветер лишил возможности чувствовать собственные руки. Мысли лишили концентрации. Я не заметила замерзшую лужу. Нога поехала по ней, тело поплыло следом. Виноват был разум, а пострадали невинные части тела. Жизненно, не правда ли?!

Линда подбежала и села возле меня. Ее пасть приоткрылась. Мне вновь показалось, что она смеется.

Кряхтя и бранясь, я встала и принялась избавляться от налипшего снега. Громкое рычание отвлекло меня. Линда напряженно смотрела куда—то вдаль. Через пару секунд пришлось пожалеть об отсутствии пресловутого поводка.

Собака рванула с места и скрылась за декорациями замерзших кустов. Я спокойно продолжила очистку одежды, решив, что одна из кошек скоро уяснит, чья это территория. Ошиблась.

Я сорвала голос и растратила все силы, пытаясь ее разыскать. Бесполезно. Линда исчезла.

Безумно однообразные, идеально ровные будни оплели меня серым налетом пыли. В те дни я уволилась и подыскивала работу, стремясь поменять железо на олово и влезть в новую кабалу.

Серые тучи грязной сырой тряпкой обложили небо. За окном гневались весенние сумерки. Принтер печатал объявления с изображением Линды. Дни выстраивались в караван тщетных усилий. Надежда таяла вместе с тонером. Сознание ставило на бесконечный повтор лекцию о верности собак.

Легкий скрежет пробился сквозь жужжание принтера. Я прислушалась, но внимание быстро упорхнуло. Скрежет стал немного громче. К нему примешивался тихий стон.

Я осмотрела лестничную площадку сквозь закрытую дверь. Она была пуста. Стон и скрежет повторились вновь. Осторожно открыла дверь. На полу лежала Линда. Ее тело было укрыто грязью и кровью.

Соленый конденсат размыл мир перед глазами. Неожиданность породила ступор. Он откладывал поиск решения.

Линда устало посмотрела на меня. Ее теплый язык кос-

нулся моей руки. Прилив слез рассыпался по лицу.

Телефон дрожал. Тремор мешал выстраивать комбинации слов. Время таяло со скоростью света, пока искала номер ветеринарной клиники.

Низкий мужской голос грубо и сердито задавал вопросы, на которые я не знала ответа. Волшебная фраза «двойная оплата за срочность» размягчила его и прервала поток ненужных расспросов.

Пятнадцать минут ожидания превратились в бурю переживаний и растянулись в вечность.

Топот эхом отбился от стен и разнесся по подъезду. Низкий коренастый мужчина грузно дышал. В его руках возлегал черный прямоугольный чемоданчик. Он присел на колени возле Линды, достал перчатки и начал осмотр.

– Раны скорее выглядят угрожающе, – уверенно постановил он, продолжая досконально изучать каждый сантиметр шерсти. – Риска для жизни нет!

На импровизированных носилках из нескольких покрывал мы с доктором перенесли Линду в дом. Он закопошился в своем чемоданчике, достал из него несколько флаконов, сделал укол и продезинфицировал раны.

Линда потянулась носом к моей руке, но тут лимит сил иссяк, а препарат вступил в бой. Она уснула, не успев до меня дотянуться.

Доктор продолжал манипуляции с телом. Я не видела дальнейшие обряды. Соленый экран смешивал очертания

мира и превращал его в одно большое разноцветное пятно.

Мне под нос протянули желтоватый лист с перечнем лекарств. Рассеянно взяла его в руки, тут же выдав взамен оплату, возведенную в степень квадрата. Мужчина принял ее и покинул помещение, не задавая лишних вопросов.

Закатное солнце ломилось в приоткрытое окно. Окровавленные бинты лежали на полу возле дивана. Взгляд скользнул выше и замер. Место собаки заняла она – девушка со странной смесью сажи и пепла в цвете густых кудрявых волос. Сознание было далеко от нее. Раны затянулись, но не исчезли.

Я остановилась у входа в комнату. Ступор заковал тело в кандалы. Лицо вытянулось и изменило свои черты. Бешеный взгляд дополнили приподнятые брови. Ключи выпали из рук, но я не слышала звон соприкосновения с ламинатом. Лишь внутренний голос шептал о моем сумасшествии.

Жизнь дождалась расслабленного выдоха. Именно в этот миг она повернула вентиль и окатила меня из шланга ледяной волной. Именно в этот миг приползло осознание: мне нравится попадать в нестандартные ситуации, выходящие за рамки обыденности! Без них жизнь превращается в унылую смесь черно—белого ряда полутонов и оттенков.

Люди боятся такого стечения обстоятельств, а я... я боюсь жизни, которую они придумали.

Я уснула в кресле на балконе, когда поздняя ночь пожала руку раннему утру. Солнце уже стучалось в окна и протискивалось сквозь них на стопку книг, возвышающихся над небольшим деревянным столиком.

Меня разбудил грохот, доносившийся из комнаты. Движение любой части тела вызывало ноющую боль. Я повернула шею и чуть не взвыла. Встала на онемевшие конечности и чуть не рухнула.

Пока мое тело неохотно и неуклюже ковыляло до двери, Тамила успела прохромать до выхода.

– Далеко собралась? – окликнула ее, опираясь о косяк и пытаюсь принять более—менее устойчивое положение.

– Я думала ты ушла, – ответила девушка и робко обернулась, попутно утрамбовывая ногу в мой (новый между прочим!) сапог.

– Думаю нюх у тебя лучше, чем способности ко лжи!

Я изменила дислокацию и прилегла на стену. Удерживать равновесие самостоятельно тело отказывалось наотрез.

– Мне нужно идти! – резко выпалила девушка и щелкнула дверным замком. Я терпеливо ждала. Дверь можно было открыть только ключом, который в данный момент надежно впечатался в мой зад.

Тамила приложила все возможные и невозможные усилия, чтобы сбежать. Я молча посмеивалась над ее потугами.

Онемение сменилось неприятными покалываниями. Рука потянулась за ключами. Звонкий грохот соприкасающейся-

ся стали заставил девушку обернуться. Она неловко дернула ручку и лишилась сознания.

До постели нам пришлось плестись на четвереньках. Моя пара ног медленно, но упорно передвигалась. Ее пара волочилась следом. Интересно, все девушки такие тяжелые или только оборотни?!

– Ну, рассказывай! – выпалила я, дождавшись пока Тамила откроет глаза. Мой локоть опустился на колено. Ладонь образовала пьедестал для подбородка. Жаль, попкорн дома закончился.

Девушка рассеянно посмотрела на меня. Было заметно, что при всей видимой целостности организма, она очень слаба.

– Мне нужно идти! – не обращая на мое любопытство ни малейшего внимания, прошептало это чудо в шерсти и начало перемещать свою волчью задницу к выходу.

– А как же завтрак? – непринужденно спросила я и «абсолютно ненавязчиво» позвенела ключами, тонко намекая, что просто так из своей берлоги ее не выпущу.

Раздался громкий, но сдавленный рык. Через секунду моя рука была вывернута в неловком положении за спиной тонкой девичьей кистью. Ключи у меня, разумеется, изъяли.

– Позволь тебя отвезти! За мной должок, помнишь? – кинула я вдогонку. Вместо ответа на зов пришла тишина. Пришлось догонять этот мощный комок шерсти в полуобмороч-

ном состоянии.

– Не принимаешь чужую помощь? Гордость не позволяет? Все оборотни такие или только ты? – запыхавшимся голосом вещала я.

Казалось бы, ослабевшее создание, должна ходить как пенсионерка, так нет, летела так, словно сдавала норматив по спортивной ходьбе!

Я вымоталась, пытаюсь держаться поблизости. Легкие выписали мне строгий выговор, а тело потихоньку начинало объявлять бойкот. Посему пришлось перебираться в свою старенькую, выдавшую виды, Мазду. Несколько месяцев она томилась в ремонте. Пару раз знакомый мастер разводил руками и разливался в стенаниях о невозможности реабилитации двигателя. Неделю назад он позвонил и довольным голосом сытого бегемота сообщил о выздоровлении машины. Я с удовольствием покинула медлительные ряды пешеходов и перебазировалась на четыре дряхлых колеса.

Тамила продолжала одинокий кросс. Мои конечности следовали за ней с комфортом. Девушка в таком темпе пролетела целый проспект, а потом взяла и рухнула в клумбу. Мазохистка, не иначе!

Я устало вздохнула и затащила ее в машину, для надежности припечатав ремнем безопасности. Удержать девушку в сознательном состоянии было вне его юрисдикции, зато в состоянии бессознательном он не позволял удариться головой о бардачок.

– Тебе туда нельзя! – раздался слабый тихий голос.

Я обреченно вздохнула, мысленно ругая в длинных нецензурных высказываниях упрямство оборотней. Если бы я не видела эту даму в образе волка, подумала, что ее настоящая ипостась – баран!

– Почему? Вход только для оборотней? – прищурила глаза и растянула «милую» улыбку во все личико.

– А ты кто? Кот персидский?! – недовольно буркнула Тамила, а потом и вовсе зарычала, освобождаясь от ремня.

Одна из бровей удивленно потянулась к макушке. У девушки наблюдались явные проблемы с рассудком после удара о клумбу.

– От тебя волком за версту разит! – рыкнула Тамила.

Мне хотелось покрутить пальцем у виска и отвезти девушку к гостеприимным дяденькам в белых халатах. Воспоминания о вечере отбили это желание и явили новое – отвезти туда нас обеих!

– А в чем тогда проблема? – хотелось ей думать, что я волк – пожалуйста. Моей целью было вручить помощь, вне зависимости от способов.

– Тебя нет ни в одной базе! – большие глаза испытующе на меня уставились и сверкнули золотом. Я вздрогнула.

– Поэтому ты за мной следила? – мой взгляд, к сожалению, выглядел менее эффектно.

Девушка потупила взгляд и тихонько прикусила нижнюю губу.

– И успела понять, что ты действительно не знаешь, кем являешься. Как—то неловко и скомкано получилось все рассказать. Ладно, перс, заводи мотор, только потом не смей жаловаться!

Шины терлись по асфальтовому покрытию. Педаль газа давала импульсы движению стрелки на спидометре. С авто-страды и обочин прыгали мысли, останавливались на сцене разума и разыгрывали театральные постановки с глубоким философским подтекстом.

Я упивалась шармом и обаянием скорости, изредка косясь на Тамилу. Она дала приказ навигатору вести меня в глухие дали и тут же задремала, неуклюже повиснув на ремне безопасности.

Раздался громкий храп, который вытащил девушку за шкуру из непредсказуемой туманности подсознания. Она поморщилась от яркого света и торопливо вытерла со-скользнувшую слюну.

– Не хочешь рассказать, кто тебя так отделал?

Злобный взгляд и молчание прибыли вместо ответа. Раскрываться девушка была не намерена. Моя бурная фантазия придумала сотни различных вариантов событий вместо нее.

Веки настойчиво поползли на глаза цвета охры, голова поползла вниз на замедленной съемке. Слюни получили амнистию, но использовали ее не так охотно, как прежде. Я беззвучно рассмеялась и продолжила собирать в лукошко за-

блудшие мысли на безлюдной магистрали.

По зелени травы лилось закатное золото солнца. Мотор гнал металлическую коробку по покалеченной дороге в сторону скал. Я запуталась, где мы находимся еще два дня назад, когда попрощался с жизнью навигатор. Тамила держалась уверенно и походила на полководца, раздававшего приказы. Я же примерила образ несмышленного солдата, слепо идущего в неизвестном направлении.

Сон капитулировал и показал девушке белый флаг, но беседа это не оживило. Тамила упорно игнорировала любые вопросы, не касающиеся направления движения. Мне оставалось играть в домино со скукой и выбрасывать через окно надежду на наличие конечного пункта назначения.

Однако, жизнь вещь удивительная. Именно в тот момент, когда думаешь, что безнадежно потерялся, на самом деле, находишься у самой цели.

– Здесь прямо, – сообщила ровным голосом Тамила и продолжила заниматься созерцанием пейзажа. Мои брови поднялись настолько высоко, что несколько морщин останутся на лбу навеки.

– Там же скала! – заторможено отозвалась я. Произошло это не скоро. К счастью, капот машины за это время не успел размазаться о твердь камня, а мы не превратились в паштет.

– Все верно, – голос девушки был спокоен, как и прежде. Ее взгляд врезался в мою пораженную физиономию. Эхо

внезапного смеха еще долго будоражило внутренний мир.

На руле оказалось в два раза больше рук. Ногой Тамила оккупировала педаль газа. Я силилась ее оттолкнуть и избежать свидания со смертью, но оборотень оказался сильнее человека.

Скала приближалась с безумной скоростью. Страх галопом пробежал по телу и закрыл глаза руками.

Картина маслом: «Опять вляпалась!».

Ливень брани обрушился на меня крупными каплями. Я открыла глаза. Скала осталась позади. Шок заставил мою ногу впечатать педаль в пол. Впереди распростер объятья крутой поворот.

Тамила выхватила у меня управление и резко вывернула руль. Машина со скрипом и свистом заскользила по дуге.

Мое дыхание было рваным. Я не мигая смотрела на величественный средневековый замок. Стена ограждала его покой. Башни и шпили силились достать до небес.

Тамила что—то говорила, но ее голос превратился в невзрачный фон. Эхо ее смеха еще раздавалось в голове. Оно смешивалось с внутренним голосом и жутким грохотом заглушало все вокруг.

Третья глава

У главных ворот нас встретили двое стражников, грозно поглядывавших на нас исподлобья. Я перевела взгляд на кованые ворота. Он заскользил выше в поисках вершины, но так и не добрал до нее. Меня отвлек грозный рык одного из мужчин.

– Тамила, кто это?!

Его черная кудрявая борода дрогнула. Меч холодом коснулся шеи. Я нервно сглотнула. Настолько детально осматривать сталь не входило в мои планы.

– Волк! – девушка старалась держать спокойствие в руках, но оно вырывалось из них, как непослушный котенок. Она украдкой косилась на мое горло.

– Но не член стаи! Мы проводим вас к вожаку!

– Как раз туда и направляюсь, а вот ей быть там совершенно не обязательно! – огрызнулась девушка и оттолкнула меч.

– Ты все перепутала, Тамила, присутствие чужака обязательно, а вот твое вовсе нет!

Мои руки вывернули в неловком положении за спиной. Направление движения задавала кисть худощавого мужчины с резкими неприятными чертами лица. Девушка фыркнула и последовала за нами.

Нестандартная экскурсия по замку закончилась в зале величественных размеров. Потолок был настолько высоко, что

человек, страдающий близорукостью, решил бы, что его вообще нет.

Пол из белого мрамора слепил глаза. Морды черного волка недоверчиво косились с гобеленов на стенах. Свет падал на них из массивных окон. Трон из красного дерева пустовал.

Послышались громкие быстрые шаги позади. Сквозь распахнутые двери в зал шел высокий поджарый мужчина. Головы окружающих поползли вниз. Лишь моя возвышалась над ними. Презрительный взгляд медовых глаз одарил меня доскональным осмотром.

Широкие шаги доставили мужчину к трону. Он занял законное место. Его суровое лицо обрамляли черные густые волосы. На висках и небольшой бородке украдкой проглядывала седина.

– Что она здесь делает?! – строгий баритон заставил Тамилу вздрогнуть.

– Я не смогла бы добраться без ее помощи! – голос девушки предательски дрожал.

Мне казалось, она не знакома со страхом. Тот миг поджог этот миф, как солому, и развеял его по ветру.

– Ей здесь не место! Ты провела потенциального шпиона сквозь тайную завесу! Тебе выбили остатки извилин?! – мужчина был в ярости. Для полного антуража не хватало лишь пены изо рта.

– Ей ничего не известно о волках!

– И как такое возможно?! Отвести эту... – вожак замылся и состроил презрительную гримасу, – в темницу до выяснения обстоятельств!

– Но... – девушка хотела возразить. Ее прервал резкий взмах кисти правителя.

Руки вновь изогнулись за спиной. Конвой вел меня по переулкам коридоров. Конечной станцией оказалась небольшая комнатка. Свет, пробивавшийся сквозь решетку заставлял щуриться.

Меня бесцеремонно втокнули внутрь. Я споткнулась. Голова ударилась о каменный пол. Резкая боль сменилась покоем. На некоторое время мир остался без моего сознания.

– Что привело тебя так спешно? Что заставило воспользоваться помощью весьма сомнительной личности? Причина должна быть очень веской, иначе ты отправишься вслед за ней! – ярость мужчины немного улеглась. Он говорил спокойно, но голос был также суров, как и прежде.

– Падшие! – Тамила была в ярости. Она держалась из последних сил, чтобы нечаянно не повесить голос на вожака стаи.

– Не удивлен, мне часто о них докладывают! Это все?

– Там целая армия! Они сильнее, чем прежде! Один из них едва не лишил меня жизни. Я была бы мертва, если бы эта девушка...

– Довольно! Не желаю больше о ней слышать! Кто ими

управляет?

– Не знаю. Я обнаружила себя. Пришлось бежать. Мне это практически удалось, но... падший оказался сильнее! – Тамила потупила взгляд. Ей было стыдно признать поражение.

– Интересно... Пошлю волков на разведку. Нам необходима более полная картина. Ты свободна!

– Но что с...?

Вожак взмахнул рукой, не желая продолжать наскучивший ему разговор. Он задумчиво облокотился на трон. Его взгляд изучал мрамор, но разум был далек от созерцания камня.

Почтительный поклон стоил волчице невероятных усилий. Резко развернувшись, она удалилась.

Чьи—то ладони били по моим щекам. Резкий запах нашатырного спирта раздражал рецепторы.

– Даяна, очнись! – голос Тамилы терялся в тумане.

Глаза открылись, но не прозрели. Иллюзия карусели модифицировала очертания мира. Он плавал и кружился, пока я не слезла с тошнотворного аттракциона в закатную реальность.

Огонь догоравшего солнца прорывался сквозь решетку. Тамила сидела на корточках возле меня и приводила в чувство.

– Скажи, что ты пришла забрать меня отсюда! – голос скрипел и таял. Я никак не могла привести его в прилич-

ное состояние. Надежда на освобождение была крайне мала, но не мертва.

– К сожалению, нет! – девушка потупила взгляд и начала разглядывать серые камни на полу.

– Тогда скажи, что мы в психбольнице, а ты медсестра? Можешь признаться, я не буйная. Меня ведь вылечат?

Тамила проигнорировала вопросы и сырой тряпкой (по всей видимости пропитанной перекисью водорода) обработала рану. Лоб щипало. Я поморщилась и отстранилась.

Неловкое молчание облекло пространство в вакуумную упаковку.

– Ты до сих пор не веришь в то, что ты оборотень?

Я скривила физиономию и отрицательно покачала головой. Это дало карусели новый импульс.

– Никто не может пройти сквозь завесу, кроме волка! Для людей это просто кусок камня, на который они даже могут залезть при желании, но попасть в наш мир им не по силам!

Палец потянулся, дабы покрутиться у виска, но тут же рухнул на колено. Подобный жест немного опоздал.

– Я здесь надолго?

– Пока не найдут информацию о твоём происхождении. Я уже пыталась. Ее не существует. В мире волков о тебе нет ни одной записи! По документам ты родилась в роддоме небольшого городка среди людей.

– Делаем выводы – я не волк! – мои ладони соприкоснулись. В голове это прозвучало, как хлопущка.

– Тогда твое тело размазано об скалу!

– Такой была цена?!

– Риска не было. Мой нюх никогда не давал осечек!

Дверь распахнулась, и я увидела тучного мужчину среднего роста, жующего бутерброд.

– Время вышло! На выход! – резко кинул он. Тамила кивнула.

– Пожалуйста, скажи, что они ничего не найдут! – девушка испытующе воззрела на меня. Я ответила взглядом: «ты в своем уме?!». Тамила усмехнулась и неспешно направилась к выходу.

– Каково наказание? – крикнула ей вслед.

– Если выяснится, что ты предатель или шпион, тебя сожгут! – девушка невесело улыбнулась и скрылась за дверью. Я приподняла брови и покачала головой. Прекрасно! Удивительно! Превосходно!

Не только замок средневековый, нравы – соответствующие. Интересно, иначе убить волка невозможно? Тамила находилась недалеко от грани смерти в тот вечер, когда поскреблась в мою дверь. Напрашивался вывод: этим садистам нравился запах паленой шкуры!

«Пожалуйста, скажи, что они ничего не найдут!» – прошептал голос Тамилы, вырвавшийся из памяти. Единственный расклад, при котором возможно было разыскать нечто – у меня раздвоение личности. Способности не проявлялись, даже когда я скакала по кромке смерти.

Однако, медленно и осторожно подкрадывалась вера в их теорию. Быть оборотнем было приятнее, чем человеком, к тому же мертвым!

Несколько дней лениво проползли в тишине заточения. Лишь полноватый страж изредка навевался с тарелкой еды, отвратительной на мой вкус. Развлечения полупустого помещения сводились к минимуму.

Пересчет количества камней сбивался возле трехсот. Трещин оказалось ровно пятьдесят три.

От скуки и уныния занялась спортом, но с непривычки быстро выдохлась. До вожаемой фигуры путь был тернист, но моими сподручными стали вынужденная диета и фонтан свободного времени.

В конечном итоге отель «Темница оборотней» получил одну звезду с минусом.

Я сидела на полу напротив окна и наблюдала за тем, как закат протискивался сквозь решетку. Шел шестой день в клетке. Взгляд перетек на царапины на стене. Они рассказывали мне о количестве истекших суток.

Занятия спортом и вынужденная диета потихоньку начинали приносить плоды. Но среди них один фрукт оказался гнилым – на каменном полу сидеть становилось все жестче!

Новым хобби стали размышления. Мысли перетекали в воображение. Воображение рисовало удивительные обра-

зы и показывало короткометражки. Прекрасная замена интернету и телевидению!

Камеру освещал кровавый свет заката. Я сидела на жестком полу и думала о вероятной близости смертельного исхода.

Жизнь – это сложное математическое уравнение, в котором есть две константы: если ты здесь, значит когда—то родился, если ты здесь, значит когда—то умрешь. Все остальное – неизвестные, которые предстоит найти, и переменные, через которые ты пройдешь.

Либо осознание, либо сумасшествие мягко хлопали меня по плечу в гнетущей тишине.

Целую историю можно раздуть из пылинки и вообразить для нее удивительную жизнь!

О дивный новый мир! О нем грезил не только Олдос Хаксли. Его тщательно выстраивает и проектирует каждый из нас!

Мы фантазируем вместо того, чтобы схватить мир за кадык и отобрать у него свою мечту! Страх поражения и лень, вооружившись отчаянием, убивают веру в себя. Нельзя упасть, лежа на траве. Но тот, кто не падает, никогда не взлетит!

Возможно, в бесконечных просторах вселенной существует мир каждого из нас. Возможно, мы сами – чей—то воображаемый мир!

Невидимая рука скользнула по ключице. Потянулась к горлу. Я закрыла глаза и увидела ее цвет. Она была черна, как зрачок. Костлявые пальцы сдавили кадык. Веки отворились, уничтожая преграду между мной и мрачным ехидным лицом. Белки в его взгляде слились с радужкой в кремниевых лужах.

Я поздоровалась с сонным параличом, как со старым приятелем. Мне казалось, мы давно расстались, но он, как бывший любовник, неожиданно вернулся и пил энергию через трубочку, смакуя каждую каплю.

Тело стало подобием медной статуи. Лишь взгляд блуждал по размытым очертаниям черного худого лица напротив. Пальцы все крепче сжимались на горле...

На рассвете в комнату влетел худощавый мужчина. Он резко поднял меня за шкурку и уложил руки за спину. Мы следовали по запутанным коридорам замка, подобным лабиринту Минотавра.

Упор руки мужчины, осевший на голове, заставлял смотреть строго в пол. Лишь темно—зеленый ковер и каменные плиты были доступны взгляду. Изредка он цеплялся за кованые перила лестниц и светлые основания стен.

Двери перед нами распахнулись, и мы оказались в знакомом просторном зале. Я любовалась дубовыми резными ножками стола. Поясница зудела. Руки затекли и потеряли

чувствительность.

– Отпустите ее! – громыхнул голос вожака.

Взгляд скользнул по ножкам и поднялся выше. За массивным столом восседали напыщенные оборотни. Их очи тоскливо бродили по залу, силясь разыскать хоть толику интереса.

Мне на миг показалось, что я переместилась в замок Короля Артура. Доспехи сияли, отталкивая от себя солнечный свет. Выбитые в броне дорожки вензелями слагались в морду волка. Эфесы торчали позади. Спинки стульев выносливо держали на себе сталь мечей.

Недовольные зрелые лица смотрели на меня с незаслуженной ненавистью. Презрение выпрыгивало из взглядов и сдвигало морщины в угрюмые гримасы.

Красочная картина маслом вырисовывалась на холсте воображения: темноволосый мужчина слева от меня вставал неспешно, вынимал меч из ножен и филигранно срезал мою голову. Слюна с грохотом поползла в горло, да где—то там и застыла.

Вожак жестом пригласил сесть. Я с облегчением опустилась на стул и размяла руки. Тамила обустроилась возле меня.

– Что происходит? – шепотом поинтересовалась я.

– Суд! – на пониженных тонах сообщила она. – Ты обвиняешься в шпионаже. Я – твой защитник.

Ягодицы заерзали по стулу. Я долго ждала исход, но все же

оказалась к нему не готова. Упросив время двигаться быстрее, вдруг начала умолять его застыть, ведь шарик на рулетке мог остановиться не на радуге, а на костре.

– Итак, все в сборе! – надменно изрек вожак и поднялся. Он неспешно обошел стул и убрал руки за спину. – Даяна Земникова, вы обвиняетесь в незаконном проникновении на территорию клана Черного волка, а также в злонамеренном шпионаже! Вы признаете свою вину? – его голос не уступал стали. Слова разрезали слух, словно лезвия опасной бритвы.

Я упала в ступор и бесцельно бродила взглядом по помещению. После восьми дней заключения, нить общения несколько поистрепалась и поросла плесенью. Мысли разбежались, как напуганные курицы на ферме. Из памяти стерлись слова, в которые следует упаковывать ответ.

Взгляд обленился и застыл на солнечном блике. Резкий, но не сильный удар Тамилы привел меня в чувство и вернул в реальный мир.

– Нет, ваше... – я замялась. Пауза, данная на подбор слова, затянулась. Вожак решил ускорить процесс.

– У меня нет особого обращения! Не трудитесь! – зло, едва не срываясь на рык, сообщил он. – Докладывайте! – не менее властно, но уже без ненависти мужчина обращался к остальным присутствующим.

Один из оборотней привстал и поклонился. Это был рослый мужчина лет тридцати пяти с шоколадным оттенком

в волосах.

– Свидетельства рождения в клане волка не найдены!

– В каком из них? – недовольно и резко вопрошал правитель.

– В обоих! – мужчина склонил голову и принял прежнее вальяжное положение на стуле.

– Есть другой клан? – тихо интересовалась я у Тамилы.

– Клан Белого волка – также тихо отвечала она.

– У вас конфликт?

– У нас война! – девушка агрессивно на меня воззрела, призывая к тишине.

Боковое зрение уловило недовольный взгляд вожака.

– Вы хотите сказать, что я вижу то, чего не существует?! – на повышенных тонах вещал глава оборотней.

– Найдена лишь одна запись о ее рождении, – вежливо преклонив голову, произнесла женщина лет пятидесяти с яркими зелеными глазами. – На основании нее можно безусловно полагать, что перед нами человек!

– И вы не чувствуете запах?! У всех в этом зале внезапная эпидемия насморка?! Недостаточность данных может свидетельствовать лишь о виртуозном их сокрытии! – голос вожака впал в спокойное русло. Он сел и расположил голову на кисти руки.

Оборотни продолжали нелепое обсуждение моей повинности в том, что я рождена не совсем там, где им бы хотелось.

– Можете проверить меня на детекторе лжи! – этой мысли

полагалось сидеть, смиренно сложив лапки, в покоях разума. Вместо этого она нагло ворвалась в мир громким бурчанием.

Тамила негодуяюще уставилась на меня и разочарованно потерла бровь. Я прикусила губу и замерла в смиренной позе послушницы монастыря.

– Прекрасная мысль! – воодушевленно воскликнул во-жак. – Карен, позови Иоганна, будь добра!

Его губы сложились в ехидной улыбке предвкушения. Дюжину минут ожидания он потратил на движение по кривым траекториям и задумчивое почесывание бородки с отстраненным созерцанием мрамора.

Наконец дверь отворилась и в нее ввалился мужчина необъятных размеров многовекового дуба. Его лицо окрасилось в бордовый. Мужчина непрерывно осушал пот носовым платком.

– Вы звали меня! – выдавил он, борясь в неравной схватке с одышкой.

– Мне необходим твой дар, Иоганн! Эта девушка, – волосы на темной бороде дрогнули от кивка подбородка в мою сторону, – утверждает, что не имеет ни малейшего понятия о своем происхождении. Поведай нам, насколько правдивы ее слова!

Иоганн учтиво поклонился и пингвиньей походкой двинулся ко мне. Он жестом приказал встать. Смысла в сопротивлении было меньше, чем в покупке просроченного йогурта.

Потные объемные пальцы коснулись моих висков. Я поморщилась, но стояла смиренно в ожидании окончания пытки. Серые глаза напротив выломали дверь в особняк разума и нагло, по—хозяйски, бродили по нему куда вздумается. Меня же тем временем выперли на веранду и заперли. Оставалось лишь беспомощно смотреть на это кощунство сквозь стекло.

– Она говорит правду! – объявил Иоганн, отстраняясь.

Я тут же осела на стул, смутно припоминая, как пользоваться парой сотен костей, склеенных хрящами и суставами. Сознание напоминало комнату после обыска с поломанной мебелью и разбросанными во все стороны вещами. Некоторые из них даже нечаянно оказались на люстре. Я надела фартук и принялась скрупулёзно восстанавливать прежний порядок творческого хаоса.

– Не может быть! – воскликнул вожак.

Он принялся экспрессивно допрашивать каждого из присутствовавших, поджигая негодование и зачиная спор. Шумные дебаты прожужжали над ухом и удалились на серый невзрачный фон. Сознание обручилось с подсознанием и переключилось на недоступный ранее уровень.

– ... мои люди осмотрели каждую строку архива! – донесся до меня обрывок фразы, изреченный дрожащим женским голосом.

– К тому же... – начал было Иоганн.

– Это невозможно! – резко прервал его вожак.

Чувственное восприятие раскрывало тайны эмоций окружающих. Им не был важен исход. Единственной целью являлось улаживание вожака. Из общей безразличной массы выбивался один поток энергии. Эта девушка со смесью сажи и пепла в волосах сидела возле меня. Она хотела помочь.

Я увлеклась настолько сильно, что умудрилась забыть о том, что их речи способны привести меня к костру.

Силилась сделать шаг в реальный мир, но новый уровень зудел над ухом, раскрывая намерения некоего существа, которое не было видно глазу. Ярость слилась в нем в альянсе с расчетом. Он вождедел крови. Он хотел забрать чью—то жизнь.

– Неужели это все?! – жуткий вопль главы стаи заставил меня вздрогнуть и кусачками разрезал проволоку, связующую с подсознанием.

Боковое зрение уцепилось за блеск, прорвавшийся сквозь открытые ставни. Взгляд сфокусировался и распознал в нем острие кинжала.

Тело сорвалось с места со скоростью для меня не свойственной. Я запрыгнула на стол и преодолела его в несколько секунд. Блеск стали пролетел возле глаз. Его траектория заканчивалась на горле вожака. Кинжал передвигался медленно и плавно. Мне не составило труда схватить его за рукоять.

Оборотни засуетились и сомкнулись вокруг нас плотным кольцом. С их уст срывалось: «Вторжение! Защищать вожака!».

Я осталась единственным островком спокойствия в урагане суеты. Моя рука замерла, обхватив кинжал. Тело замерло вместе с ней, опираясь на стол одним коленом. Мужчина едва заметно сглотнул слюну. Ему показалось, что это не было заметно. Я решила не беспокоить его гордость.

Пальцы разжались. Холодная сталь с резким звоном ударилась о стол. Обратни нервно обернулись. Раздались вздохи облегчения. Вожаку ничто не угрожало.

– Благодарю! – мужчина был выбит из проторенной колеи обыденности и даже чуть склонил предо мной голову. Я поклонилась ему в ответ. – Обвинение снято! – тихо произнес он. – Прошу, не разочаруй меня!

Четвертая глава

Мои новые покои оказались гораздо лучше и просторнее предыдущих. Больше не приходилось любоваться закатом, сидя на каменном полу и смотря на лучи уходящего солнца сквозь решетку. Я вальяжно разлеглась в мягком кресле на уютном балконе с бокалом вина.

На меня устало косилась башня, сконструированная из белого камня. Шпиль на конической кровле упирался в титановое небо. Сумерки разливали по атмосфере минорные аккорды. Слух гладила нежная тишина. Лишь удары сапог одинокого стражника по брусчатке мешали ее ласкам.

Сфера заточения стала обширнее и комфортнее, и все же я находилась в плену. Покидать стены замка не дозволялось. Невинность не была доказана, и по—прежнему оставалась неведомой тайна собственного появления на свет.

Я могла лишь смотреть, как умирает солнце и воскресает вновь. Стража сопровождала меня неотступно, оставляя в одиночестве только под сводами комфортабельной темницы. Мне создавали лишь иллюзию свободы. Возможно, так устроен весь наш мир.

Мою душу оставили в теле, но ценой стала свобода. За установленные границы выходить было небезопасно. Попытка взбрыкнуть – темница. Попытка взбунтоваться – смерть.

Чтобы пленник не заскучал и не имел недостаточного запаса времени приложить ушки куда не следует, было принято решение обучить его боевому искусству. Хотел ли он этого никто не спросил.

Пространство просторной площади щедро припорошил песок. Стены заключили ее в квадрат, как кучка надзирателей. Я чувствовала себя гладиатором на арене амфитеатра. Солнце отскочило от меча в моих руках и ударило в левый глаз. Физические возможности выпрыгнули за былую грань. Мне казалось, что пальцы обхватили рукоять небольшого столового ножа.

Плотная бурая кожа легла на тело и служила ему защитой. Человек напротив, с редкой бородкой и маленькими глазками, учил выживанию в бою. Мне не хотелось драться, но холодное оружие вызывало некий необъяснимый интерес.

Организм претерпел ощутимые изменения. Скорость впечатляюще возросла. Я четко видела каждый объект вплоть до доступного горизонта. Обоняние, дремавшее прежде, явило целый удивительный мир запахов, ранее недоступный. Рефлексы объединились с интуицией и вместе создали потрясающий альянс.

Однако, мой учитель обладал тем же комплектом свойств, а сверх них – навыками и опытом. За три с половиной часа непрерывных схваток я получила тридцать четыре удара плоской стороной меча, двадцать две подножки, сорок во-

семь толчков, а на подсчете остановок лезвия в опасной близости от тела я, увы, сбилась на сорока девяти.

– Осваиваешься с новым образом?

Тамила подошла, еле слышно ступая на песок. Услышать ее шаги прежде было непосильной задачей. Вероятнее всего, неожиданный звук заставил бы тело вздрогнуть и выронить меч из рук. Так было раньше, но не теперь. Мне стало известно о приближении, как только девушка покинула здание. Первым шел запах. За ним следом летели шорохи соприкосновения ног с землей. Голос явился на банкет последним.

– Размышляю, зачем мне меч, если человечество изобрело огнестрельное оружие, – я ехидно улыбнулась и встала в стойку, показывая своему учителю, что готова продолжать.

– Во—первых, дань традициям. Во—вторых, это весело. В—третьих, падших можно убить лишь клинком из сплава метеорита и серебра. Пуля их не догонит. Ей не хватит скорости.

– Кто такие падшие? – мой голос был выше обычного, поскольку в этот самый момент пришлось отбивать атаку наставника.

– Оборотни, подчинившиеся зверю. Видишь ли, в каждом из нас живет зверь. Либо мы его контролируем, либо он контролирует нас!

Тамила медленно подошла к массивному столу, который удерживал веер разномастных мечей. Все они были отполированы до блеска и абсолютно не похожи друг на друга. Де-

вушка взяла в руки клинок и щепетильно осмотрела его под разными углами зрения.

Меч с визгом рассек воздух, уничтожив вымышленного врага. В движениях гармонично сочетались грация и скорость. Я обомлела и возрадовалась, что мы не находимся по разные стороны баррикад.

Счастье продлилось недолго. Легкая разминка была окончена. Тамила встала в стойку напротив меня, приглашая на бой. Моя голова отрицательно замоталась в разные стороны.

– Не бойся, я аккуратно! – хохотнула девушка.

Гордость и внезапный порыв гнева заставили вернуться.

Меч скользнул в направлении моей шеи. Расположение головы на плечах меня вполне устраивало, а потому пришлось давать отпор. Следующий выпад пришелся на область сердца. Отреагировать я не успела, а посему почтительно склонила голову в знак признания превосходства противника.

Внутри расвирепело и заскрежетало упитанное качество – ненавижу проигрывать! Пришлось затолкать в глотку концентрации энергетик, а по мышцам разлить анаболики.

Мой резкий выпад едва не окончился дырой в грудной клетке девушки. Она одобрительно вскинула брови и тут же засвистела клинком, разрывая воздух. Мечи схлестнулись и застыли, как каменный монумент.

Уступать отказывались мы обе. Упрямство, видимо, пе-

редается оборотням на генетическом уровне. Скрежет стали гудел в тишине.

Я раздобыла из закровов припрятанный остаток сил и надала им на меч. Тамила покачнулась и отступила. Вероятнее всего, она лишь проявила благородство и позволила мне победить.

– Неплохо! – девушка одобрительно вскинула брови.

С ее легкой подачи меч сверкнул в воздухе, пролетел над ареной и вонзился в песок возле массивного стола.

– Тренируйся, волчонок!

Тамила подмигнула и нерасторопной походкой направилась в сторону главной башни. Мне удалось разведать, что там проводились периодические совещания почетных семей клана. Девушка неизменно присутствовала на каждом из них.

Преподаватель боевых искусств отнял у меня меч. Я воткнула опечаленный взгляд в песок, но тут же оживилась, узрев краем глаза, манящий изгиб древесины изящного лука. Рука скользнула по лакированной поверхности и обхватила рукоять.

– Выходит, пули падших не догонят, а стрелы могут это сделать? – озадаченно спросила я.

– Особый каркас и сила оборотня позволяют стрелам опережать движение пуль! – преподавал мне урок сенсей и объяснил механизм работы прицела.

Хвостовик стрелы погладил тетиву. Наконечник обосо-

вался на большом пальце. Я выгнула плечи лука и сделала первый выстрел. Попадание пришлось на край мишени. Снаряд пробил ее насквозь.

Бег стал следующим наполнителем времени. Меня ни на минуту не оставляли в праздном бездействии днем и изрядно изматывали к ночи. Таким образом шансы попадания моего носа в неположенные места сводились к минимуму.

Мне же это преподносилось, как воспитание воли и выносливости – истина взамен иной истины.

После пробежки слились воедино чувства тошноты и гордости. Интересное сочетание! Усталость заставляла грезить о сне, но принесла с собой не одно лишь изнеможение. В заплечной сумке осел осадок мыслей.

Вначале я забыла обо всем. Бежала настолько быстро, что не замечала ничего вокруг, кроме луж и преград под ногами. В воде мелькнуло отражение неба. Остановилась и взглянула на него. Взор переместился ниже, являя лучи солнца на воде и на граните. Они касались всего, что меня окружало. Мир вновь дефилировал передо мной во всем его изяществе.

Как могла я перестать замечать его?!

Люди... Высшие создания, наделенные разумом! Мы ставим себя выше всех, кто живет на планете, но как же мы слепы! Наш разум делает нас слепыми!

Мы идем по выбранному пути, фокусируясь лишь на рывках и ухабах, а за гранью фокусировки на размытом фоне

раскинулся целый мир! Огромный, прекрасный мир! Мы забываем, что в этом чудесном, гостеприимном мире каждый из нас всего лишь гость!

Я сидела на одном из балконов замка. Внизу, подо мной, мерно передвигались волны реки, носящей название «Медведица». Волки дали ей такое имя, поскольку верили, что однажды пришли из созвездия Большой медведицы, которая заклеимила их скоплением родинок в форме ковша.

Они надеялись, что однажды, после смерти, вернуться домой!

– Изучаешь замок? – Тамила, как и всегда, подошла очень тихо. Она примостилась на стуле возле меня и подставила лицо теплему солнцу.

– Здесь много уютных балкончиков с хорошим видом! Как прошел день?

– Ты была главной темой дня! – солнце не позволяло девушке открыть глаза. Ей оставалось лишь прищурившись, коситься на меня исподлобья. – Совет хочет, чтобы ты обратилась.

– Не умею! – я раскинула руки в стороны и скривила физиономию.

– Тебе придется!

– А если окажусь белым волком?

– Тебе не поможет даже спасение жизни вожака!

– Прекрасно! – тихо, сквозь зубы, прошипела я. Разуме-

ется, девушка все чудесно слышала.

Расставаться с жизнью за шерсть неподходящего цвета было сомнительным удовольствием. Оставалось лишь положить голову на колени фортуны.

– Не советую бродить по замку одной! – Тамила поудобнее развалилась на стуле и закрыла глаза.

– Отчего же?

– Совет не исключает перспективу нападения падших. Они сплотились. Их объединяет общая цель – уничтожение существующих кланов! Бывший член Совета стал предводителем новой фракции. Он знает, как устроен замок. Ему известны тайные ходы и лазейки. Наш дом перестал быть безопасным.

– Зачем ему это?

– А зачем ведутся войны? Он хочет власти! Его не устраивает роль изгнанника, уготованная вожаком.

Тамила встала и, потянувшись, прошла до перил. Она опустила на них локти и посмотрела в ведомые лишь ей одной дали. Затем она резко обернулась и направилась к выходу.

– Советую обзавестись оружием, волчонок! – кинула девушка напоследок и удалилась.

– Что—то случилось? – спросила я, медленно и осторожно приближаясь к Тамиле.

За минуту до этого она пролетела мимо меня, игнори-

руя существование материи вокруг, остановилась возле стены во дворе замка и крепко ударила по ней кулаком, оставив небольшую вмятину.

Девушка заторможено направила на меня взгляд. Радужка агрессивно сверкнула, но тут же погасла.

– Небольшие неприятности... – донеслось до меня сквозь стиснутые зубы.

– Я могу...

– Ты не можешь мне помочь! – рыкнула Тамила, но тут же смягчилась. – Выпьешь со мной?

Я неуверенно кивнула. Она рванула с места, игнорируя первые две скорости и выжав третью до предела. Пришлось трусить позади.

Тамила на мгновение замерла возле дубовой резной двери. Вывеска над нею гласила «Бар „Клыкастая невеста“». Девушка с силой распахнула дверь и влетела внутрь. Я чуть не получила по лбу, отпрыгнувшим от стены параллелепипедом.

Внутреннее наполнение помещения напоминало таверну из книг с описанием средневековья. За массивными столами, сколоченными из древесины, восседали хмельные оборотни с двухдневными щетинами и травили байки о тяготах бытия. Громкий грохот их разговоров изредка прерывался звоном кружек, наполненных элем.

– Два темных! – отчеканила Тамила, облокотившись на барную стойку из красного дерева. Худощавый бармен

тотчас принялся исполнять заказ. Я болталась довеском позади.

– Прости! – выдавила девушка, опускаясь за один из столиков и ставя передо мной бокал.

– Что...?

– Они выгнали меня из Совета! – перебила меня Тамила и сделала внушительный глоток.

– Почему?

– Официально – мне дали новую должность. Неофициально – боятся, что я заодно с изменником!

– Из—за меня?

Девушка опустила взгляд на пивную пену и умолкла.

– А ты не плохо перенесла вторжение Иоганна в разум! – некоторое время спустя воскликнула она и одобрительно качнула головой.

Побег от темы был явным и упитанным, но я не стала тянуть ее за шкуру к неприятному разговору. Все было ясно без слов.

– Как он это сделал?

– Некоторые волки рождаются особенными. У них есть дар. Как правило, такие способности передаются по наследству. Иоганн обладает даром через прикосновение входить в сознание других людей.

– Во—первых, это негуманно! Во—вторых, должны быть последствия!

– И они есть... В легкой версии – кратковременная поте-

ря сознания. В тяжелой – сознание перестанет быть ясным, но ты умудрилась избежать и того и другого! – девушка подняла бокал в мою честь.

Я угрюмо вздохнула и сделала затяжной глоток.

– А у тебя есть способности?

– Только если вляпываться в фекалии! – невесело усмехнулась Тамила.

– Расскажи мне о вашем мире... – попросила я, заглядывая в безумно грустные глаза цвета охры. Эта просьба была способом вытеснить из ее разума суету набежавших мыслей хотя бы на небольшой срок.

– Мы называем его Эйгос. Он не далеко ушел от мира людей. Мы отличаемся лишь тем, что наш зверь имеет материальную форму. Здесь та же борьба за власть, те же мелочные обиды и недомолвки. По нашим венам ползает тот же страх, и та же надежда проползает следом. Одно лишь иначе – когда человек поддается своему зверю, внешне все остается по—прежнему, когда зверю поддается мы, у нас вырастают шерсть и клыки, а взгляд становится мрачным отражением наших душ!

– Ты родилась здесь?

– Мы все рождены здесь, – ухмыльнулась девушка, попутно подзывая бармена для обновления напитка, – кроме тебя!

– И это единственная причина, по которой хотят поджарить мою задницу!

– Меня тоже хотели поджарить однажды!

– За проседи в шерсти?

– Нет, – хохотнула Тамила, – за то, что хотела установить мир с кланом Белых волков, а после пыталась сбежать в мир людей! А все потому, что влюбилась в волка не той масти... – она цокнула, подмигнув, и попросила подоспевшего бармена, обновить мой напиток, повышавший градус разговора.

– Но... как вы встретились?

– На поле боя! Я держала клинок у его горла. Он остановил меч неподалеку от моего сердца. Мы просто замерли, не в силах убить друг друга. Потом долго скитались в бегах в надежде перейти границу и затеряться в мире людей.

– Зачем нужна граница?

– Раньше ты задавала меньше вопросов! – девушка повеселела и теперь улыбалась.

– Кажется, я начала потихоньку выбираться из ступора!

– Люди не способны примириться ни с чем, что хоть немного отличается от них. Предпринималось несколько попыток стереть между нами границы, но каждая из них кончалась войной!

– Чем закончился ваш побег?

– Нас поймали неподалеку от границы, – голос девушки осел и опустился до хрипа. – Затем долго держали в плену, отдельно друг от друга, – она ненадолго замолчала и прикусила большой палец. – Мой отец являлся одним из советников вожака до того момента. Его лишили должности из—за меня. Ему удалось выторговать мою жизнь, но...

– Его сожгли?

Тамила кивнула и помрачнела.

– Я... – я открыла рот и застыла. Нить, связующая буквы в слова, а затем в предложения, выскользнула из рук. Силиться ее поймать, но тщетно.

Тамила залпом осушила стакан, оставила на столе оплату, подошла ко мне и осторожно зашептала на ухо.

– Если тебе удастся обратиться, и шкура окажется белой – беги! – она со скорбью взглянула в мои глаза, улыбнулась печально и ушла, оставив затуманенный разум один на один с беспокойной капризной мыслью – «Кто я?».

День начался с грохота. Что—то большое, но мягкое рухнуло за дверью спальни. Я вскочила и потянулась за мечом, который умыкнула с тренировки по совету Тамилы. Раздался звук соприкасающейся стали и надрывный вой, заставивший пронестись по мне волну жалости.

Я быстро нацепила кожаное обмундирование и направилась к выходу. Дверь пришлось открывать с ноги. Иначе она не поддавалась, да и никто не присваивал мне звание культурной леди!

Тело оборотня, искаженное неполной трансформацией, было причиной шума и мешало свободному передвижению двери. Оно замерло в неестественной позе внезапно высвободившегося эмбриона. Из раны на груди сочилась кровь.

Я прикрыла рот рукой, подавляя приступ тошноты. К со-

жалению, утро началось далеко не с кофе!

Ноги волочились неохотно, медленно шваркая неровным зигзагом по пустому коридору. Зрение замерло на паузе с иллюстрацией мук и боли на лице мертвого существа.

Восприятие действительности имело совесть вернуться, когда из—за угла высунулась физиономия падшего. Во взгляде не мелькала и тень человечности. Неистовая звериная ярость рычала и рвалась изнутри.

В его руке сверкнул меч. Он сделал выпад, намереваясь нанести колющий удар в сердце. Я отразила клинок и эфесом приложилась к виску противника. Он обмяк и осел на стену. Веки прикрыли злобу в глазах. Оружие выпало из его рук и громко зазвенело, соприкоснувшись с полом.

Он намеревался лишить меня жизни, а я надеялась, что лишь ненадолго освободила его от бремени сознания. Эта вещь достаточно хрупкая. Потери случаются. Присела на колени возле падшего и присмотрелась, судорожно ища себе оправдание. Рука коснулась груди зверя. Та двигалась под влиянием работы легких.

Груз совести скатился на пол, растекся по нему и выпарился. Я осторожно кралась по запутанным коридорам замка, стараясь держаться в стороне от битвы. Сквозь стены пробивался звон и скрежет металла. Он постепенно угасал, сменяясь недолговечной тишиной.

Лабиринт коридоров вывел к главным воротам. Симфония рыка, визга и воя затопила пространство. Перед взором

развернулась битва двух стай.

Шерстяные, ушастые, клыкастые волки дрались мощными лапами и вгрызались в плоть. С моей зубочисткой делать там было нечего!

Я попятилась, намереваясь уйти, но заботливая судьба материнской рукой перевела взгляд на единственную знакомую шкурку.

Тамилу окружили и отрезали от своей стаи. В параде шерстяных нарядов было трудно распознавать стороны.

Я выбрала единственную доступную стратегию – кто против Тамилы, тот и враг!

Нечто быстро, но осторожно приближалось. Я обернулась. Волк несся на меня с безумной скоростью.

– Ты в безопасности. Он не причинит вреда! – тихо шепнуло подсознание.

Я замерла в ожидании, спокойно наблюдая за длинными прыжками массивных лап. Страх вышел покурить и затерялся в тамбуре.

Волк притормозил возле меня и кивнул мордой в сторону своей спины. Оседлала его и ухватилась за загривок. Поездка оказалась далека от комфорта. Жесткий хребет извивался подо мной. Опоры не было. Трясло, как на послевоенной дороге. Оборотни рычали и кидались на нас. Я крепко вцепилась в шерсть и произвела частичную депиляцию густой шкуры.

Мы неслись по эпицентру схватки к Тамиле. Мой транс-

порт несколько раз едва не лишился хвоста. Он искусно плыл среди волн свирепых волков. Я неуклюже болталась доверком.

Волк воспарил в прыжке над бурей и сбросил меня со спины, попутно придавая ускорение. Я ощутила себя кошкой, выброшенной из окна седьмого этажа. Свора падших скалилась, но не могла до меня добраться.

Время на создание плана в комплект услуг своеобразной курьерской службы не входило. Инстинкт самосохранения оказался мощнее недоверия к внутренней сущности оборотня.

Кости выворачивались и видоизменялись. Я слышала их хруст, но чувствовала лишь легкое покалывание. Отсутствие боли вызывало интерес. Видимо эволюция даровала оборотням некое вещество, позволяющее безболезненно перемещаться между ипостасями.

На землю приземлилась, как и кошка – на четыре лапы. Тамила силилась встать позади. Большая потеря крови укладывала ее на землю. Я неуклюже перемещалась на четвереньках, как новорожденный ребенок.

Двое падших, скалясь и пуская слюни, направлялись в нашу сторону. Я рыкнула так, что самой стало страшно.

Мощное тело зверя летело на меня в прыжке. Самооборона сработала молниеносно на уровне рефлексов. Передней лапой сбила существо сильной оплеухой. Оно отлетело в сторону и с жалобными визгами понеслось в неведомом

направлении.

Неожиданная сила подняла самооценку на новый уровень. Я разобралась в управлении нового комплекта конечностей. Движения стали тверже.

Сзади приближалась подмога. Второй зверь вел себя осторожно. Он был крупнее других. Искра человечности иногда проносилась в его глазах, но тут же гасла. Массивные лапы зигзагами двигались в мою сторону.

Зверь медлил слишком долго, предоставив клану Черного волка достаточное количество времени. Стая подошла достаточно близко и превосходила противника количеством. Падшим пришлось отступить.

Из озлобленной пасти вырвался обиженный рык. Взгляд проел меня насквозь и удалился вместе со своим обладателем.

Я обернулась. Тамила усердно старалась встать.
– Беги! – четко читалось в ее глазах.

Оборотни клана Черного волка медленно и осторожно приближались к нам. Они скалили пасти и рычали. Я обернулась, но никого не увидела. Взгляд скользнул ниже и застыл на белой шерсти моих лап.

Резко развернулась и дала деру. Мощные огромные лапы развивали безумную скорость.

Лес укрыл меня от взглядов, но запах он спрятать не мог. Я неслась меж деревьев, не имея представления о направлении. Тело виртуозно избегало ударов о ветки. Слух различал

топот преследователей, хотя передвигались они практически бесшумно. Их запах скользил по носу, хотя они находились очень далеко.

Всего пара минут потребовалась изобретательной судьбе, чтобы перевернуть жизнь с бледных ног на белые лапы.

Всего пара минут потребовалась мне на то, чтобы стать изгоем. Всего пара минут, чтобы обрести себя!

Кандалы, прежде сдерживающие часть сути, расплавились. Без них стало невообразимо легко. Я убежала от стаи свирепых волков, но впервые в жизни ощущала себя по—настоящему свободной!

И за что меня невзлюбили? Подумаешь, блондинка. Может на солнце выгораю быстро?!

Первые сутки преследования были не наказанием, а подарком. Сознание перевернулось с пяток на черепную коробку, плюхнулось на амортизатор позади и приняло вертикальное положение совершенно другим. Цепи иллюзии раскалились и лавой растеклись по мышцам, укрепляя их.

Я черпала новые способности большими ложками и соскребала их остатки со стенок, отрываясь от внезапно сотканых врагов. Однако, практически забыла о них уже через пару часов.

Топот лап остался нечетким звуком вдали. Запах тянулся от них легким шлейфом. Я же получала дурманящее наслаждение от скорости и свободы. Хвоя испускала знакомый

приятный аромат. Зелень радовала яркостью после серости стен. И одиночество... так по нему скучала! Остались лишь трое: я, скорость и мысли, стремившиеся обогнать друг друга.

Второй день повернул регулятор яркости до середины. Мышцы болели и понемногу начинали отказываться от своих обязанностей, но я гнала их дальше. Признаки наличия преследования выпарились вместе с утренней росой.

Голод зажал желудок в тиски, но пропитание белками или зайцами противоречило моему моральному кодексу. Изредка останавливалась возле реки, чтобы утолить жажду и перевести дух.

Лес не желал кончаться. Я наглухо заблудилась в неизвестности, но продолжала бежать.

На третий день регулятор яркости опустился до критического минимума, оставив памяти лишь пару эпизодов в виде напуганного кролика и застывшей в нерешительности лисы. Нить сознания постепенно протиралась, норовя лопнуть и выбросить меня за пределы восприятия действительности. Деревья потеряли былую четкость, скорость снизилась до первой передачи. Заторможенная реакция служила причиной соприкосновений с соснами. Несколько раз я падала, лежала некоторое время в мысленном вакууме, но неизменно заставляла себя подниматься и бежать.

На четвертый день мир размылся окончательно, а мысли несли ахиною шизофреника. Сознание наблюдало за сей кар-

тиной с великой скорбью, а затем собрало чемоданы и помахало мне платочком на прощанье.

Пятая глава

Шторки век неохотно приоткрылись. Комплект конечностей повиновался с трудом. Комфортабельную пещеру освещал теплый свет свечей. Морды белых и черных волков рассматривали меня с каменных неровных стен. Они видели растрепанную девушку, лениво ворочавшуюся в уютной постели.

Ноги опустились на мягкий ковер кровавого цвета. Взгляд поднялся выше, прополз по дубовым ножкам стола и остановился на монахе. Капюшон черного балахона был откинут, позволяя видеть гладко обритую голову. Морщины стартовали от нее и расплзались по смуглому лицу.

– С возвращением! – спокойно поприветствовал меня мужчина, не отрывая глаз от миски, в которой увлеченно размешивал нечто, мне не ведомое.

– Кто Вы?

– Изгнанник, как и ты теперь! – он кинул на меня взгляд и улыбнулся.

– Спасибо за помощь! – после небольшой паузы поблагодарила я и попыталась встать. Мир потек и поплыл перед глазами.

– Аккуратнее, ты еще слаба!

Монах, прихрамывая, подошел и протянул мне миску. Ее содержимым оказался суп, а не чудотворное зелье из моих

фантазий. Я с жадностью на него набросилась, первое время не ощущая вкуса.

– У тебя много вопросов, Тора! – терпеливо дождавшись окончания трапезы, утвердительно-мужским тоном произнес мужчина.

– Вы меня с кем—то путаете!

– Я? Нет. Это ты себя с кем—то путаешь!

Оторвала взгляд от опустевшей миски и молча уставилась на него исподлобья.

– Это странно, но мне кажется, я уже видела эти глаза прежде. Это было очень давно!

– Тебе не кажется. Мы уже встречались, Тора!

Вот заладил! Тора! Откуда он взял это имя?! С другой стороны, монахи – народ странный. За добавку мог назвать меня хоть зубочисткой!

Мысль еще не успела добрести до финиша, а мужчина уже стартовал за новой порцией.

– Ты задаешься вопросом, почему раньше не стала замечать за собой необычные вещи!

Легкий сквозняк обдул извилины – монах читал мысли. Я спрятала свои в глубокое подполье и надежно забаррикадировала тяжелой дверью. К сожалению, ей не удалось их удержать.

«Лысый безумец» – мгновенно скользнуло в разуме.

Механизм мышления начертан по схеме пьяного мастера. Когда жмешь на одну кнопку неизменно срабатывает проти-

воположная.

Монах усмехнулся и протянул миску. Вероятно, он все же слышал гул моих внутренних переговоров.

– Вам известен ответ?

– Да, ведь это дело моих рук! Твоя суть спала до тех пор, пока ты не преодолела барьер, отделяющий нас от внешнего мира.

Сквозняк засквозил сильнее, сдувая пыль и плесень с микросхем черепной коробки. Монах не просто читал мысли. Он был способен запрограммировать сознание, вплетая в природный код посторонние команды!

– Вы колдун?

– Нас называли по—разному в различные эпохи. Назови хоть зубочисткой, суть от этого не изменится!

Уверенность гордо вздернула носик – монах читал мысли! Поток нецензурной брани затопил сознание, высох и захлестнул новой волной. Мужчина поморщился и несколько раз вскинул брови, оценивая широту использованного лексикона.

– Вероятно, наша встреча кажется тебе случайностью? – ехидно улыбаясь, поинтересовалось это чудо.

– Это тоже ваших рук дело?

– Именно!

– Зачем же так изощряться над моей судьбой, усложняя и без того запутанный код? Жизненные кривые сами виртуозно заводят меня в неприятности!

– Просьба твоей матери! – мужчина развел руками. – Твоя жизнь была под угрозой. Пришлось укрыть тебя в ином мире на некоторое время. Однако, ей очень хотелось, чтобы однажды ты вернулась домой!

– Не честно играть с сознанием! А видоизменять мышление младенца вовсе негуманно! – вспылила я, но тут же успокоилась, поняв насколько бессмысленно восклицать о том, что осталось в далеком прошлом.

– Это была вынужденная мера... – монах потупил взгляд.

– Она?

– Мертва.

– Отец?

Монах молчал. На его лице четко, каллиграфическим почерком, был начертан ответ: «Мертв, но очень жаль!».

– Бар «Белый волк»! С него все началось! – осенило меня. Мужчина довольно утвердительно кивнул. – Но он привел меня к в клан Черного волка! – возмущенно воскликнула я.

– Небольшая осечка! – монах виновато скривил губы. – В те дни этот бар был территорией клана Белого волка.

– До начала войны?

Монах кивнул.

– Название оставили из уважения к памяти о погибшем вожаке клана Белого волка.

– Почему они воюют?

Мужчина печально усмехнулся и тяжело вздохнул.

– Трон клана Белого волка узурпировал обезумевший сын

прежнего вожака. Он одержал верх на поединке и убил собственного отца. По древнему обычаю победитель стал новой главой клана. По ведомой лишь ему одной причине, он всем сердцем ненавидит клан Черного волка. Свое правление узурпатор начал с объявления войны!

Кусочки пазла неспешно складывались в более—менее адекватную картину. Однако, на мой взгляд слово «адекватный» абсолютно не подходило миру оборотней!

– Почему меня пришлось депортировать?

– Для этого ответа время не пришло! – мужчина мило улыбнулся и отпил из кубка, который оказался весьма самостоятельным и по воздуху перемещался сам. Я вновь произнесла мысленную бранную речь.

– И все же существует причина, по которой я оказалась здесь. О войне мне мог поведать кто угодно! Выкладывай! – злость затмила уважение к возрасту. К тому же, вероятно, мы достаточно близко познакомились, пока мое не одетое тело перемещали в уютную постель.

– Я должен передать тебе это!

Сморщенная рука протянула пожелтевший рулон плотной бумаги, запаянный красным воском. Печатка оставила на нем изображение герба. Ястреб яростно открыл клюв. В когтях он нес секиру.

– Что это? – я скептически осмотрела сверток со всех сторон и принялась. От него пахло старостью.

– Покойная леди Гертруда была обязана твоей матери,

впрочем, как и покойный граф Кердиган.

Повертев бумагу в руках, я принялась открывать занятую древность. Вопль монаха заставил остановиться.

– Не смей ломать печать!

Непонимающе уставилась на нелогичного мужчину.

– Она должна быть цела! – неистово вопил он. Я приподняла брови и аккуратно положила сверток на стол. Наверное, вид у меня был, как у нашкодившей первоклашки.

– И зачем мне свиток, который не могу прочесть? – медленно и вкрадчиво поинтересовалась я.

– Он даст тебе имя и статус в клане Белого волка!

– Хочешь отправить меня из огня да в полымя? А что если песикам не понравится мой прикус? Или почуют на мне запах черных волков? – размахивала руками и гримасничала. Мужчина хохотнул. – В детстве кот всегда знал, когда я гладила других! Ревновал жутко!

– А ты забавная! Напоминаешь мне свою мать! Юмор, как защитная реакция – ее черта!

Нашел клоуна! Лучше бы искал в цирке, хотя на мой взгляд фильмы ужасов с клоуном в главной роли более реалистичны!

– У меня была мать! Она растила меня!

Из легких вырвался рык, который не входил в мои планы.

– Ирина? Она была таким же изгнанником, как и мы с тобой.

– И почему она ничего не рассказала мне о волках?

– Тебе не хочется верить, и все же ты прекрасно знаешь, что я не лгу! Ты это чувствуешь!

Я воззрела на сумасшедшего старика соответственно его умственной отсталости. Сам не в себе и меня в этот омут втянуть задумал.

– Я докажу!

Туман вырвался из руки мужчины и принял очертания кинжала. Он несся к моей переносице, а я спокойно стояла, наблюдая за ним. План неадекватного монаха вполне мог завершиться дырой в моей голове, но попытки убежать или уклониться предприняты не были. Страх снова вышел покурить и затерялся в тамбуре.

– Тебе ничто не угрожает! – шептало подсознание.

Клинок приближался быстро. Наконец, он замер в нескольких миллиметрах от кожи. Я скосила глаза, осматривая острие.

– Уговорил! Верю!

Старик хохотал. Истеричные нотки скользили в смехе. Сомнения в его адекватности прогрессировали в уверенность.

– Твои гены – носители особого дара предков! Людям свойственно видеть и осязать лишь внешность. Ты же способна почувствовать душу! Подсознание мудрее сознания. Их разделяет стена. В настоящий момент в твоей выбит всего один кирпичик, и потому ты слышишь лишь шепот. Когда выбьешь все прочие сможешь свободно разговаривать с под-

сознанием. Более мудрого наставника не сыскать ни в Эйгосе, ни в мире людей!

Губы склеились, стремясь прорасти друг в друга. Взгляд застыл на уголке ковра. По границе сознания ползал легкий шепот. Интересно, шизофрения в младенчестве похожа на подобное состояние?

– Твое новое имя – Даяна Кердиган! На основании данного документа – монах кивнул на пожелтевший свиток – ты являешься дочерью покойного графа Кердигана! Его особняк – твое наследство. Можешь распоряжаться им, как пожелаешь.

– Белые песики должны обнюхать мои документы и признать членом стаи?

– Не просто членом. Кердиган – одна из старейших семей клана. Вместе с именем они передали тебе статус и огромное состояние.

Звучало заманчиво. Подсознание не стрекотало о подводных архипелагах. Монах не врал, но многое недоговаривал.

Чтобы получить ответ, нужно задать правильный вопрос. Однако, для этого я была не слишком близко знакома с сутью.

Мне не посчастливилось ощущать себя на собственном месте. Сложно отыскать его в мире, который уже давно разрезан по линейке. Возможно, жизнь все же отрезала для меня кусочек?

– Но ты упорно зовешь меня Торой!

– Это твое настоящее имя! – монах пожал плечами и принялся копошиться в ящике. Он не был намерен продолжать разговор.

За окном серой стаей слетались сумерки. Черные вороны сидели на ветках деревьев и криками придавали контур угрюмой атмосфере.

Монах оставил меня на ночлег без права на выбор. Я гуляла взглядом по массивным книжным полкам. Запах старой бумаги и кожаных переплетов смешивался с пылью.

Мужчина подошел тихо и молча вручил толстый томик по истории Эйгоса.

Долгие столетия кланы жили в мире. Падшие редкими отшельниками бродили по лесам, подобно диким волкам. Изыскательный ум ученых тянулся к экспериментам над их сутью. К чему они привели, история стыдливо умалчивает.

Законы кланов устанавливали четкую иерархию. Ключевое звено – вожак или императрица, в зависимости от пола наследника. Их решения были окончательны и неоспоримы. Право на престол передавалось по праву крови – от старшего родителя к младшему. При нем состоял Совет, включающий в себя от десяти до пятнадцати членов. В его ряды допускались лишь волки элитных семей, по чьим венам текла чистая кровь предков.

Особыми привилегиями пользовались всего два титула: граф и лорд. Первый был выше, соответственно сокращал расстояние до Совета до минимума уже с момента зачатия.

Остальная масса не принимала участия в принятии решений клана, но каждый из них являлся потенциальным воином на случай чрезвычайного положения. Мерой призыва служил лишь возраст: от пятнадцати до пятидесяти пяти.

Последняя перепись учитывала население обоих кланов в схожем количестве, сопоставимом с вместимостью Москвы с учетом нелегальных иммигрантов.

Тридцать девять лет назад в клане Белого волка родился долгожданный наследник, который, впрочем, не был основной ветвью рода. Он был зачат до брака вожака и являлся следствием связи с воинственной дамой, не относившейся к числу элитных семей. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он вызвал отца на бой и узурпировал трон. Белые волки послушно повиляли хвостиками и сложили лапки в поклоне. «Кто сильнее, тот и прав» – издевательский закон природы, воспринимаемый оборотнями, как непреложная истина, не позволял восстать.

Война была сыта жертвами по сей день. Из—за нелепой ненависти одного гибли тысячи.

Утро началось с головной боли. Я привстал, но тут же продавила пружины постели вновь. Тошнота скрутила тугим узлом. По костям расползся невыносимый зуд. Рык и вой рвались из легких. Свернулась в позе эмбриона и обхватила голову руками. Слух сконцентрировался на пульсации крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.